

ОРЛОВСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости.

16 апрѣля №15—16. 1917 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Правда и безпристрастіе — основа и источникъ истинной свободы.

Въ № 78 „Орловскаго Вѣстника“ напечатана телеграмма на имя Святѣйшаго Синода и Оберъ-Прокурора объ устраненіи меня съ Орловской епархіи. Кто хоть сколько нибудь представляетъ отвѣтственность и тяжесть пастырскаго и архипастырскаго служенія не за гнѣвъ, а за совѣсть, тотъ пойметъ, что многіе и многіе, сохраняя свое личное благополучіе, ушли бы съ этого поля дѣятельности сами, если бы не сознаніе нравственной отвѣтственности предъ Богомъ и народомъ. Но въ данномъ случаѣ—вопросъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Въ цѣляхъ, очевидно, наилучшаго укрѣпленія началъ свободы и новаго строя жизни—требуютъ удаленія отъ дѣятельности тѣхъ или другихъ лицъ,—въ томъ числѣ и меня. Естественно спросить—за что?

Въ г. Орлѣ—я совсѣмъ новый человекъ, живу немного болѣе мѣсяца, изъ котораго 20 дней проболѣлъ, и потому, если добра не успѣлъ сдѣлать, то, вѣдь, и зла то тоже еще не сдѣлалъ. Что же во мнѣ опаснаго? Очевидно, въ

моемъ прошломъ есть указанія на эту опасность. Не говоря уже о томъ, что предусматриваніе опасности въ будущемъ на основаніи прошлаго есть ничто иное, какъ ревностное слѣдованіе урокамъ свергнутаго строя, когда хотѣли и потому умѣли читать въ сердцахъ многихъ лицъ, такъ или иначе обратившихъ на себя вниманіе жандармовъ,—позволительно спросить, что было опаснаго,—не съ точки зрѣнія ушедшаго строя, а съ точки зрѣнія нынѣ вступившей въ свои права демократіи и, в частности, рабочаго класса,—въ моей былой дѣятельности? Не буду говорить о Нижегородской моей дѣятельности. Укажу только на то, какъ меня провожали въ Орель, и при томъ кто?—*весь* народъ, а изъ церковнаго клира—по преимуществу низшіе члены его, всегда находившіе во мнѣ защитника ихъ правъ имущественныхъ и иныхъ.

Болѣе всего опаснаго, судя по газетамъ тогдашнимъ, очевидно, заключала въ себѣ моя дѣятельность въ Москвѣ. Что же я дѣлалъ тамъ? Кратко: всемѣрно работалъ тамъ, нестрашась ни враговъ, ни друзей, надъ освобожденіемъ, хотя бы и не полнымъ, рабочаго класса изъ цѣпкихъ лапъ жестокаго и чуждаго русскому народу капитала. Для этого устроены были мною артели: одна,—въ ней было до 5000 человекъ работницъ,—для шитья солдатскаго бѣлья; все виды работъ обмундировочныхъ на войска держала въ своихъ рукахъ фирма Мандль и Райцъ. Эта фирма, получая отъ казны за шитье рубахи отъ 11 до 15 коп. (во время Японской войны), платила работницамъ,—сколько вы думаете?—всего отъ 2¹/₂ до 4 к., причемъ пуговицы и нитки работающихъ. Когда мнѣ пришлось, по просьбѣ самихъ рабочихъ, вступить въ борьбу съ указанной фирмой, то она на торгахъ цѣны за работу понизила до 8 коп., и я установилъ плату отъ 7 до 7¹/₂ коп., причемъ пуговицы и нитки покупались уже за счетъ остающейся ¹/₂ коп.; на эту же ¹/₂ коп. содержались закройщики и мастерская. Впослѣдствіи Мандль и Райцъ, чтобы меня наказать за причиненную имъ непріятность, понизили цѣну до 5 коп. и стали сами платить все 5 коп. рабочимъ. Ясно, почему такъ сдѣлано. И конечно,—они меня наказали жестоко въ матеріальномъ отношеніи. Другая артель—сапожниковъ въ Твер-

ской губ., въ с. Устиновкѣ. И здѣсь сами рабочіе обратились ко мнѣ съ просьбой организовать ихъ и вырвать изъ рукъ тѣхъ же Мандля и Райца. Почему? А вотъ почему: Мандль и Райць сами получали за шитье пары сапогъ съ второстепеннымъ докладомъ (гвозди, варъ или смола, дратва и матеріаль для каблуковъ) 2 руб. 95 коп., а платили рабочимъ... по 38 коп! Организовавши артель, я всѣ силы употребилъ, чтобы правительство выдало ей 30,000 руб. для начала дѣла, чтобы она получила заказъ на гвардію и Восточно-Китайскую желѣзную дорогу. Дѣло сначала съ трудомъ шло, но теперь эта артель имѣетъ кредитъ изъ государственнаго казначейства до милліона руб. Сапожники перестали жить въ Москвѣ, вдали отъ семьи, перестали пьянствовать, артель приобрѣла небольшое въ началѣ имѣніе, устроила залъ для чтеній и т. д. Что вреднаго и опаснаго въ этомъ для демократіи и свободы народа? Конечно, все это, а въ особенности—попытка моя, довольно удачная, отнять у разныхъ посредническихъ фирмъ поставку хлѣбныхъ продуктовъ въ армію (на Московскій Военный Округъ) и передать это дѣло въ руки непосредственныхъ производителей—крестьянъ и землевладѣльцевъ, конечно, было неприятно для заинтересованныхъ лицъ, и меня съ необыкновеннымъ усердіемъ за это и поносили. Это одна сторона моей дѣятельности.

Другая—въ слѣдующемъ. Я устроилъ при монастырѣ двѣ залы для народныхъ чтеній,—одну для дѣтей на 500 почти челоувѣкъ, а другую при церкви на 4000 почти челоувѣкъ для взрослыхъ; въ этихъ залахъ *ежедневно* происходили религіозно-нравственныя и противъ пьянства чтенія, *изучали* исторію Ветхаго и Новаго Заветовъ, исторію русской и вселенской Церкви, географію, даже русскую литературу. Я организовалъ Братство трезвости и церковнаго пѣнія, приучилъ весь бывающій въ храмѣ за богослуженіемъ народъ пѣть *всѣ* церковныя службы и *всѣ* молитвословія и т. д. Неужели и это вредно и опасно для установившейся свободы? На всѣхъ чтеніяхъ бывали почти исключительно фабричныя рабочіе. Все это дѣлалось въ томъ районѣ, гдѣ, напр., до этихъ чтеній священники отказывались совершать браки въ воскресные и праздничные дни, такъ

какъ хулиганствующая тогда молодежь устраивала во время совершенія таинства брака *химическія обструкціи*.

Какъ все это отражалось на мнѣ, всякій, кто хочетъ, можетъ провѣрить по газетамъ, особенно по «Русскому Слову» тогдашняго времени. Не лишенъ значенія и отзывъ социаль-революціонеровъ, дѣйствовавшихъ тогда среди рабочихъ: „Мы только разговариваемъ, а архимандритъ на дѣлѣ все осуществляетъ.“ Вотъ эта необычная склонность наша къ разговорамъ, а не къ дѣлу, и заставила меня назадъ тому около 6 лѣтъ выйти изъ всѣхъ правыхъ, такъ наз., организацій и заняться *своимъ* дѣломъ. Дурно это?

Но, быть можетъ, *въ Кіевѣ* за мной водились непростительные грѣхи противъ демократіи и свободы народной! Въ Кіевѣ былъ я свѣтскимъ. Организовалъ педагогическое общество взаимной помощи имени Ушинскаго, которое объединило всѣ учебныя заведенія г. Кіева, организовалъ общество помощи на случай смерти, широко, очень широко развилась, при моемъ дѣятельномъ участіи, дѣятельность ссудо-сберегательной кассы, выработалъ и провелъ въ жизнь Уставъ Банка для мелкой торговли. Я былъ и председателемъ Союза русскихъ рабочихъ: появившійся въ началѣ въ самомъ ограниченномъ количествѣ членовъ, этотъ Союзъ, несмотря на малочисленность свою, много способствовалъ прекращенію еврейскаго погрома въ Кіевѣ въ 1906 году. Впослѣдствіи этотъ союзъ разросся до весьма значительныхъ размѣровъ. Я былъ председателемъ одной изъ городскихъ думскихъ комиссій по дѣлу оказанія помощи евреямъ. Конечно, были ошибки въ моей дѣятельности, но никогда ничего не было во вредъ народа, которому посвящена большая половина мой жизни. За какое же изъ всѣхъ этихъ дѣлъ я оказался достойнымъ того приговора, который напечатанъ въ № 78 „Орловскаго Вѣстника“, гдѣ даже я просто названъ „Гнѣвушевъ“? Такое названіе, конечно, для меня не обидно,—мало того,—оно напомнило мнѣ молодые годы кипучей дѣятельности въ тѣхъ областяхъ, куда я призывался Богомъ и людьми.

Слышалъ я, что обвиненіемъ противъ меня выставлена моя, прощальная рѣчь въ Нижнемъ, гдѣ говорится о Православіи, Самодержавіи и Народности. А я спрочу—

5 февраля обвинители, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, не повторили бы тогда этой фразы? Нужно бы и то вспомнить, что эти начала жизни впервые въ обиходъ русской мысли введены нашими славинифилами, которые были очень и очень въ подозрѣніи у тогдашняго правительства. Указывали, будто бы, мои обвинители и на мою рѣчь здѣсь уже 1-го марта. Но что я сказалъ, чего бы я не былъ обязанъ сказать теперь съ церковной кафедры? Я говорилъ противъ обученія людей, и особенно подростковъ, убиванію ближнихъ, пролитію крови. И, 19 лѣтній юноша убилъ кого? Александра II—Царя—Освободителя 22 милліоновъ Русскаго народа! Когда? Когда онъ подписалъ уже актъ о конституціи. Слышалъ я, что будто бы кто то изъ ораторовъ слышалъ, какъ я въ Михаило-Архангельской церкви сравнивалъ убіеніе іудеями Иисуса Христа съ насиліями, или что то въ этомъ родѣ, надъ Николаемъ II. Если этотъ ораторъ слушалъ, то онъ не могъ этого слышать, такъ какъ ничего подобного не было произнесено. Если онъ слышалъ отъ другихъ, то не нужно всякому слуху вѣрить, особенно возводя на кого либо обвиненія. Ибо сказано: *не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна*. Да и вообще слѣдуетъ всегда съ честью другихъ обращаться осторожно, тѣмъ болѣе тѣмъ лицамъ, кто и самъ образованъ и другихъ просвѣщаетъ.

Что же касается темныхъ и иныхъ силъ, то думаю, что это обвиненіе пришлось только къ слову, такъ какъ я никакъ не могу считать рабочихъ и вообще народъ, благу которыхъ единственно служилъ,—темными силами.

Все мною написанное,—доступнее точной провѣркѣ,—написано только для того, чтобы сказать: правда и безпристрастіе—основа и источникъ истинной свободы.

Знаю, въ какомъ положеніи находятся нынѣ все православные пастыри! И поэтому—прошу и молю: стойте твердо на своей пастырской нивѣ! Вносите возможно больше правды въ жизнь. Не бойтесь злого, чѣмъ иные себя и другихъ пугаютъ—т. наз. контръ-революціей, возвратомъ къ прежнему: это невозможно! Былое ушло въ вѣчность. Все силы свои, вспомоществуемая Божіею благодатію, направьте на то, чтобы неумѣренные ревнители свободы своими дѣлами и словами не расширили революціонное движеніе до

страшной анархіи, до кровавыхъ междуусобій! Вотъ чего нужно бояться! Этого бойтесь, съ этимъ боритесь мужественно, съ вѣрой въ торжество правды и съ нею истинной свободой. Къ миру мирнымъ церковнымъ и пастырскимъ словомъ зовите всѣхъ, къ единенію мыслей и дѣланія на благо Церкви и Отечества. И первая и второе нынѣ въ страшной опасности! Взаимными раздорами, неумѣренными и неисполнимыми требованіями, взаимнымъ угрызеніемъ и съѣданіемъ—мы только самихъ себя погубимъ.

Особенно обращаюсь съ моленіемъ и просьбами къ о.о. діаконамъ и псаломщикамъ—помните о тяжеломъ положеніи Церкви и Государства и еще болѣе о своемъ крайне опасномъ положеніи. Говорятъ,—какой-то о. діаконъ во всеулышаніе заявилъ о своей радости, что скоро произойдетъ отдѣленіе Церкви отъ Государства! Радоваться этому можно или ни зная, что такое отдѣленіе, или просто слѣдуя чужому слову. *Отдѣленіе* ударитъ болѣе всего именно по о.о. діаконамъ, а потомъ псаломщикамъ. Всего вѣроятнѣе—паства, на плечи которой ляжетъ и содержаніе всего причта, лишеннаго даже земли, прежде всего откажется отъ діакона, а псаломщиковъ замѣнитъ своими чтецами и пѣвцами, какъ это уже отчасти и бываетъ. Вотъ почему—прошу всѣхъ—содѣлывайте свое благополучіе на началахъ правды и мира, устройте свой жизненный путь мирнымъ и строго обдуманымъ путемъ. Помните, что на ряду съ разнообразными путями для обезпеченія единенія и свободы—главнѣйшимъ является тотъ, который лежитъ въ основѣ церковной жизни: объединеніе всѣхъ паствъ и пасомыхъ заключается прежде всего въ единствѣ вѣры, св. Таинствъ и священно-началія. Безъ этого единства не можетъ быть единства и свободы въ церковномъ обществѣ, ибо послѣднее перестанетъ быть таковымъ.

Этого при переустройствѣ церковныхъ порядковъ и отношеній не нужно забывать.

Да будетъ-же въ жизни прежде всего миръ, правда, а съ ними и истинная свобода.

Еп. Макарій.